

Специальность: «Банковское дело»

ПРОЕКТНАЯ РАБОТА

Тема:

«РАЗМЫШЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ ЦИВИЛИЗАЦИИ В
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

Подготовила:
студентка 2 курса, гр. 332В
Рысакова Анастасия

Преподаватель:
Е.В.Хотиёва

Балашиха 2017 г.

Содержание

1. Вступление.

1. . Что такое фантастика?

2. Наша планета в будущем у Стругацких.

II. Основная часть.

1. Темы и проблемы произведений Стругацких.

2. Некоторые биографические сведения.

3. Характеристика творчества Стругацких:

а) «Трудно быть богом»,

б) «Пикник на обочине».

III. Заключение. VI. фото.

I. Вступление

1. Что такое фантастика?

Фантастика—трудный жанр. Он требует от автора не только богатого воображения, но и умения заставить читателя поверить, в невероятное. По мнению Стругацких, фантастика—литературное отображение мира, сильно сдобренного человеческим воображением. Фантастика—пралитература, первичная литература. Мифы, сказки, поверья, легенды—фантастика младенческого возраста человечества. Ни один человек не может быть богом, это непосильно для нас. Но каждому хотелось бы заглянуть в наше будущее, чтобы знать, чтоб же ждёт нашу маленькую Землю, которая так беззащитна перед масштабами Вселенной. Более всего человека всегда волнует в жизни его будущее, его семья, страна, мир в целом. Именно поэтому научно-фантастическая литература так разнообразна и интересна. Каждый писатель фантаст видит будущее по-своему, а мы лишь выбираем тут сценарий, который нам больше пришёлся по душе. Я остановлюсь на братьях Стругацких. У обоих интересные профессии: астроном и востоковед-японист.

Возможно, по этой причине их творчество направлено к космосу и земной мудрости. Братья с большой порцией юмора и сатиры нарисовали своё будущее. Примечательно, что их творчество во второй половине двадцатого века считалось издёвкой и пародией на социалистический образ жизни того времени. Я считаю их произведения – фантастикой, в которой слышится предупреждение о том, чтобы каждый из нас был внимателен в настоящем, потому что в будущем вырастет то, что было посажено сегодня.

2.Наша планета в будущем у Стругацких.

Парадоксально, но фантастика не имеет почти никакого отношения к будущему, хотя и подготавливает человека ко времени железных чудес. Главная ее задача—в художественной форме переводить идеи науки на язык простого смертного. Когда читаешь «45? ПО Фаренгейту», о- настоящему ужасаешься, но потом приходит понимание того, что Брэдбери пишет о настоящем! Об ужасе и беззащитности современного гуманитария перед движением науки и технологии, находящихся в руках мерзавцев. Наша планета в будущем у Стругацких — это высокоразвитая и могучая Земля. В атмосфере царит счастье, жилища более удобные, работа приносит только удовлетворению и удовольствие. Единственным конфликтом в новом мире Стругацких является сохранение суверенитета (нельзя соваться в естественные процессы, ход событий). Авторы показывают угрозу вмешательства в двух направлениях: вмешательство землян в жизнь и развитие других цивилизаций и существование на планете других миров. В первом направлении все за что берутся земляне идёт им во вред, и тем, для кого все это делается тоже выливается в проблемы. Все попытки высокоразвитой цивилизации развить другую, более низкого уровня до своего увенчались неудачей. На эту тему ведётся диалог в книге «Трудно быть Богом». Румата-развитый человек из будущего времени говорит Будаху-ученому из средневековья о том, что возможно не стоит сохранять человеку его историю, может человечество лучше заменять одно на другое, более развитое. В ответ на это Будаху просит господина либо стереть с лица земли нынешнее человечество, либо оставить его в стороне, чтобы они шли своим путем. Но Румата, душа которого полна сострадания не в силах сделать это, хотя и послан чтобы спасти целый мир от невежества и глупости.

1. Некоторые биографические сведения о Стругацких.

Есть мнение, что о жизни писателя ничего сообщать не нужно: вся необходимая информация содержится в его творчестве. Может быть, читателю следует знать лишь о переломах жизни писателя—тех поворотах, которые отбрасывают тень на все созданные произведения. В жизни братьев Стругацких таким переломом была война, и особо—гитлеровское—сталинское злодеяние, которое принято называть ленинградской блокадой. Война и блокада—вот что их сформировало. Сейчас в это нелегко поверить, минуло полвека, наша трусливая память отторгла правду, которую и в воображении трудно вынести, и нам кажется, что другие тоже забыли прошлое... Они были мальчишками: Аркадию не хватало двух месяцев до шестнадцатилетия, Борису только исполнилось восемь. Росли спокойно, ровно, в тихой интеллигентной семье: мать—учительница, отец—искусствовед. В воскресный полдень 22 июня жизнь рухнула. Аркадия послали рыть окопы под Ленинградом, и его, вместе с другими старшекласниками, накрыла волна немецкого наступления. Он ушёл—с боем, отстреливаясь ... Домой вернулся взрослым человеком.

Потом была блокада. Братья ее вынесли, спаслись, но ужас пережитого был так велик, что они молчали о блокаде, ничего не переносили на бумагу, молчали тридцать лет—до очередного перелома жизни.

Как раз в 1972 году, когда вышел седьмой том энциклопедии, настало очень трудное для них время, и братья писали «Град обречённый», не рассчитывая на публикацию, «в стол», для себя. Там есть полторы страницы о блокаде: «Вот в Ленинграде никакой ряби не было, был холод, жуткий, свирепый, и замерзающие кричали в обледенелых подъездах—все тише и тише, по многу часов...»

Сжатый, тесный, словно не хватает воздуха, рассказ, с постоянным рефреном: «умирал... тоже умирал... тоже умирал...»—повествование идёт как бы от лица младшего из братьев. «Я бы там обязательно сошёл с ума. Меня спасло то, что я был маленький. Маленькие просто умирали...» И ещё он вспоминает: «Вот уже брат с отцом снесли по обледенелой лестнице и сложили штабель трупов во дворе тело бабушки». Потом умер отец, а мать и

дети непонятно как выжили...

Таким вот способом жизнь готовила их к литературной работе. И потом, словно взяв за правило, все время вела братьев по краю-давала выжить, выскочить, но как бы чудом. Не было, конечно же, никаких чудес, было родительское наследство: здоровье, и невероятная работоспособность, и талант.

В 1972 году уже могло бы выйти собрание произведений Стругацких, уже восемнадцать крупных вещей были написаны, да ещё переводы, сценарии... Уже была громкая слава, книги пошли по всему миру. Только- только вышла статья канадского литературоведа Дарко Сувина, где он назвал Стругацких «несомненными первопроходцами в советской научной фантастике». Но тут-то их и «закрыли»-было такое выражение.

Разумеется, не в одночасье закрыли, им лет семь-восемь дали порезвиться, а потом начали крутить рукоять пресса, выжимая из редакционных планов лучшие вещи Стругацких. В конце шестидесятых попали под запрет «Улитка на склоне» и «Гадкие лебеди», примерно в 1971-полный «стоп», замок щёлкнул. Кто-то дал команду: Стругацких не печатать! И тогда случилось чудо: не все взяли под козырёк. Два журнала-«Аврора» в Ленинграде и «Знание-сила» в Москве-как-то пробились, что-то кому-то доказали и продолжали Стругацких публиковать. Честь и хвала редакторам, они серьёзно рисковали, но задумаемся: почему они пошли на риск? Обаяние таланта? Разумеется, для любимых писателей можно совершить многое... Но не только. Именно в начале семидесятых годов популярность Стругацких достигла высшей точки. Нет, не так: высшего уровня, на котором и держится до сих пор. Начали создаваться клубы любителей Стругацких, всю заработал самиздат-книги ксерокопировались, перепечатывались на пишущих машинках и принтерах компьютеров, переписывались от руки.

Читатели требовали Стругацких, и имя этим читателям было легион: школьники, студенты, инженерная и научная молодёжь и вообще научные работники, притом не гуманитарии, которых власть от веку презирала, а люди для власти важные, изобретавшие ядерное оружие и вычислявшие траектории ракет и спутников. И зона молчания не замкнулась вокруг писателей-с огромной неохотой, с оттяжками и оговорками, люди из начальственных кабинетов пропускали их вещи в печать. Это было трудное десятилетие: книги не выходят, а жить на что-то нужно. Аркадий Натанович взялся за переводы, Борис Натанович подрабатывал в

Пулкове. И, конечно, они продолжали писать.

Очень трудно рассказывать о Стругацких: слишком сложное они явление в нашей культуре. Не выходит связного рассказа. Вот, например, часто спрашивают, как они пишут вдвоём. Бытует даже легенда, что братья съезжаются на полпути между Москвой и Ленинградом, на станции Бологое. На деле же у них отработана довольно жёсткая технология, которая почти никогда не нарушается. Сначала вещь задумывается—в самом общем виде, —и начинается процесс созревания, который может длиться годы. Разумеется, братья думают врозь, каждый у себя дома. В некий момент они съезжаются и делают полный конспект будущего произведения: общая идея, сюжет, персонажи, разбивка на главы, иногда даже ключевые фразы. Работают, где удобней: то в первопрестольной, то в Питере, то в писательских домах творчества.

Затем, как правило, разъезжаются и шлифуют конспект поодиночке. На следующем этапе уже отписываются — это журналистский термин. Пишут на машинке, под копирку. Один из братьев печатает, второй диктует — попеременно. Пишут практически начисто и очень быстро, по многу часов. Когда они работали в каком-нибудь из домов творчества, коллеги-писатели подкрадывались к их двери и удивлённо крутили головами: машинка тарахтит с утра до ночи безостановочно, как пулёмёт. Отписавшись, забирают каждый по экземпляру и потом правят дома. Обычно правка минимальна, но все равно приходится опять съезжаться, чтобы ее согласовать, они невероятно скромные люди. Умение своё писать начисто и по многу страниц в день категорически отказываются признавать даром Божиим и объясняют хорошей ремесленной выучкой.

...Миновали черные для Стругацких семидесятые годы, и невидимая колючая проволока, которой их окружили, начала рваться—открылись двери редакций, а в 1984 году писатели удостоились первой книги— сборника в издательстве «Советский писатель», о категории «Избранное». Это надо объяснить. В казарменной системе советского литературного мира была твёрдая табель о рангах и привилегиях. Выход «Избранного» в «Советском писателе»—знак признания, вроде медали, —и гонорар полагается повышенный. Этот сборник—он называется «За миллиард лет до конца света»—был знаком

и приближающейся перестройки. Надо сказать, что кривая публикаций братьев Стругацких почти точно повторяет кривую политической жизни страны: крутой подъем в первой половине шестидесятых, во времена оттепели; резкий спад в период стагнации; постепенная реабилитация в преддверии перестройки и мгновенный взлёт в ее разгаре. В 1989 году общий тираж книг Стругацких, кажется, перевалил за миллион экземпляров.

Казалось бы, оглянись вокруг—и думай. Казалось бы, мир огромен и открыт для мысленного анализа. Но он огромен чересчур, в нем легко не увидеть главное — ключевые, больные точки. Стругацкие с непостижимым упорством, год за годом, книга за книгой, выделяют для нас главные проблемы. Первейшая—воспитание детей. Отчаянный вопрос; что делать, чтобы наша скверна не передавалась следующим поколениям? От этого зависит будущее человечества, это равно волнует христианина, мусульманина, атеиста учёного педагога и неграмотного старика, брошенного внуками. Стругацкие впервые написали об этом тридцать лет назад и даже—вопреки своим правилам—предложили проект новой школьной системы, иного статуса учителя, умного и человеческого подхода к ребёнку. Другая тема, другая всеобщая болезнь, о которой последние годы мы буквально кричим: отношения человека с живой природой. Писатели подняли ее, когда в нашей стране никто не слышал и не думал о подступающей экологической катастрофе и самого слова «экология» большинство ещё не знало. Едва ли не первыми в мировой литературе они изобразили биологическую, то есть слитую с живой природой, цивилизацию. И уж точно первыми написали роман-предупреждение, в котором без экивоков и с удивительной отвагой обвинили пресловутую командно-административную систему в уничтожении природы: «... За два месяца превратим там всё в....э-э....в бетонированную площадку, сухую и ровную». Ещё одна мучительная проблема: личность и общество. Тема колоссальная и вечная, она, в сущности, охватывает все остальные людские проблемы, от свободы личности до государственного устройства. Стругацкие в каждой книге выхватывают— как профессиональные фотографы—новые ракурсы этой темы и давно уже нашли свой. Так до них практически никто на мир не смотрел. Это стремление к потребительству — не в том, разумеется, виде, о котором пишут в газетных фельетонах. Не о мебельных гарнитурах речь. Писатели чётко отделяют естественную тягу людей к

комфарту от тупого ожидания подарка, от убеждённости, что комфорт должен объявиться как манна небесная—мол, общество обязано его даровать. Эту тему они также затронули четверть века назад, когда с высоких трибун нам талдычили: слушайте начальства, сидите тихо и с открытыми ртами, манна сама посыплется...

Стругацкие и призывают нас к мысли, усердной и постоянной. Мысль, соединённая с добротой и благожелательностью, —их ключ к любым шкатулкам Пандоры, что бы там ни было запряно. В этом один из секретов обаяния Стругацких—для интеллигентного читателя, но здесь же и некоторая опасность: ленивый разум не всё поймет или поймёт навыворот.

Невероятно, но факт—о братьях Стругацких до сих пор не опубликовало ни одной серьёзной статьи. То есть нельзя сказать, что вокруг их творчества существовал заговор молчания. Заметим ещё что появлялись в периодике время от времени весьма заинтересованные суждения о писателях, которые, однако, и полемическими назвать язык не поворачивается—напрашиваются определения более жёсткие целом же отклик критики на тридцатилетнюю без малого деятельность Стругацких в литературе выглядит обескураживающе скромным. А ведь о степени популярности этих авторов в самых широких читательских кругах говорить излишне. За журналами, где печатаются их повести, и библиотеках выстраиваются длинные очереди, а уж книги исчезают с прилавков магазинов в мгновение ока в чем же дело? Быть может, в сложившемся среди критиков убеждении, будто фантастика говорит о чём-то отдалённом, экзотическом, не связанном с насущными делами и заботами текущего дня?

А раз так, то и не заслуживает она серьёзного разговора между серьёзными людьми, а должна оставаться достоянием школьников старших классов да отдельных чудаков с гипертрофированным воображением. Проза Стругацких вполне может сама постоять за себя. И не только за себя, но и за честь жанра. Нетрудно показать, что Стругацкие всегда подставляли свои паруса ветру времени—как попутным, так и встречным его порывам, —всегда пребывали в эпицентре общественных страстей и борений. Писатели дебютировали на рубеже 50-х—60-х годов. Это было время общественного подъёма, горячих ожиданий и надежд, энтузиазма. С одной

а) **«Трудно быть богом»**

Стороны, решения XX и XXII съездов партии создали в стране совершенно новую духовную атмосферу. С другой—на новый виток эволюционной спирали вышла наука: первые космические полёты, успехи в обуздании атомной энергии, ошеломляющий прогресс электроники и вычислительной техники. Все это, вместе взятое, порождало в ту пору, особенно в молодёжной среде, ощущение сжатия пространственных и временных границ—Вселенная становилась соразмерной человеку. Казалось, что до планета потом и до звёзд рукой подать, что ещё несколько яростных, дерзновенных усилий—и доступными станут глубины космоса. Одновременно будущее, которое ещё недавно представляло в ореоле фантастичности, приблизилось, стало видеться результатом сегодняшних трудов и свершений. В этой-то атмосфере, рядом с произведениями Ефремова, Казанцева, Гора и появились первые повести Стругацких: «Страна багровых туч», «Путь на Мальтою», «Полдень, XXII век. Возвращение», несущие на себе ясно различимые меты времени. Книги эти исполнены пафоса пионерства, преодоления, покорения. Их герои—Быков и Ермаков, Дауге и Юровский—истинные рыцари космического первопроходчества, отважные, целеустремлённые, готовые на жертвы. Как и подобает рыцарям, они закованы в доспехи — доспехи своих добродетелей, которые делают их похожими друг на друга, несмотря на добросовестные попытки авторов их индивидуализировать. Лишь иногда мелькнёт из-под забрал своеобразное выражение лица—и тут же скроется. Общность цели, необходимость ради ее достижения складывать силы вдоль одной оси неизбежно оттесняют на второй план психологические различия, делают их малосущественными. Но проходит всего несколько лет—и тональность произведений Стругацких начинает меняться. На смену ликованию по поводу победного шествия научно-технического прогресса приходят интонации раздумчивые, вопросительные. Усложняется предмет художественного исследования. В «Стажёрах», «Попытке к бегству», «Трудно быть богом» писатели выходят к теме превратностей исторического развития, драматической его диалектики. Конфликты всех этих произведений имеют общую основу: столкновение представителей коммунистической цивилизации, духовно зрелой и высокогуманной, с социально-историческим злом, с реальностью, к которой неприменимы мерки и критерии гуманизма. В «Попытке...» они как будто не замахивались на многое. Ещё раз сказали о средневековой сути фашизма и предупредили, что тёмная страсть к насилию живуча, что ее с наскока не преодолеть—должны пройти века

и века, прежде чем восторжествуют разум и человечность. Не замахнулись—не намекнули, что сталинизм ничем не лучше гитлеризма и его не одолеешь разом—оттепелью или решением партийного съезда. Думается, просто двигались в своей последовательности, как вело сердце. Фашизм они ненавидели с детства, а сталинизм только учились ненавидеть. Они писали о старой боли, о том, что ещё ныло, как старые переломы.

Герой романа «Трудно быть богом» Антон-Румата — один из наблюдателей Земли на планете, переживающей период господства мракобесия в изуверства. Он всем своим существом жаждет поддержать, спасти от гибели робкие пока и уязвимые ростки духовности, стремления к социальной справедливости, к интеллектуальной независимости. Но вот вопрос: допустимо ли глубокое вмешательство извне в сложившуюся ситуацию, в естественный ход событий пусть сердцу и уму Антона он представляется совершенно противоестественным? Не должен ли каждый народ сам и до конца выстрадать свою историю, пройти по всем ее кругам, не полагаясь на помощь «богов», чтобы обрести органичную форму самоосуществления? В центре конфликта — один из кардинальных вопросов существования современного человечества, в год публикации не представлявшийся таким острым и актуальным; вопрос о возможности и нравственной приемлемости какого бы то ни было ускорения естественного исторического процесса. Трагизм индивидуального выбора подчёркивается душевными терзаниями гл. героя—сотрудника Института экспериментальной истории Антона-Румата, разведчика, посланного с заданием не вмешиваться, а только наблюдать, на планету, где правит бал средневековое варварство, отдельными чертами напоминающее и фашизм, и религиозную деспотию Инквизиции, и, насколько оказалось возможным показать в середине 1960-х гг., сталинский тоталитаризм. Несовпадение благородных утопических идеалов с исторической реальностью, в более широком контексте—неизбежный крах любых социальных доктрин, направленных на «улучшение» человечества, —с художественной силой показанное в повести, знаменовало собой ступень внутренней эволюции авторов. Такими вот любопытными и вовсе не лишёнными социальной актуальности вопросами задаются Стругацкие в своём романе. Ведь попытки перескакивания через этапы естественного развития

а) «Трудно быть богом» общества знакомы нам не только из литературы.

Стругацкие в своих произведениях поднимают вопросы, актуальные я для того времени, но особенно громко резонирующие сегодня—вопросы демократизации общественной жизни, раскрепощения творческой энергии

народа. Они ведут борьбу с самыми различными проявлениями косности, социальной рутины. Они берут «социальный интеграл» конформизма, эгоизма, безответственности, они рассматривают эти качества «под знаком вечности» и обнажают их несовместимость с идеалами коммунизма, с родовыми интересами человечества. И не случайно противники всего живого, честного, мыслящего наносят в это время Стругацким несколько ощутимых ударов—не полемической шпагой, а дубиной. Сейчас, разумеется, нет нужды давать развёрнутые ответы на подобные обвинения. Упомяну я о них лишь в подтверждение своей мысли: работа братьев Стругацких имела в те годы в высшей степени актуальный смысл.

Впрочем, тут пора остановиться. У читателя может сложиться впечатление, будто Стругацкие ограничивают свои задачи острыми фехтовальными выпадами, нацеленными в негативные явления нашей общественной жизни, лишь задрапированными—для пущей аллегоричности—в фантастические одеяния. Это, конечно, не так. Актуальность писатели всегда понимали гораздо более широко. Эпиграфом к повести «Хищные вещи века» служат слова Сент-Экзюпери; «Есть лишь одна проблема—одна-единственная в мире—вернуть людям духовное содержание, духовные заботы...». Слова эти точно выражают направленность и масштаб творческих усилий Стругацких. Однако легко сказать—вернуть духовное содержание. Здесь, увы, не помогают самые добрые намерения, самые возвышенные наставления и проповеди. Недаром горький вопрос о действенности литературы в последнее время все чаще звучит в дискуссиях и обсуждениях. Слишком смело было бы утверждать, что именно Стругацким лучше других удаётся справиться с духоподъёмными задачами. А все же постоянный читательский интерес к их книгам говорит о не безуспешности усилий писателей. Тут не обойтись без того, чтобы заглянуть в их творческую лабораторию. Ведь лаборатория «магов» — место интересное. Прежде всего, Стругацкие побуждают читателя удивиться, заинтересоваться, стряхнуть с себя инерцию восприятия — будь то восприятие литературы или самой жизни. И здесь им на помощь приходит фантастический «хронотоп»—сочетание обстоятельств времени и места действия. Кабина космического корабля, экзотические инопланетные реалии, далёкое будущее Земли—все эти неотъемлемые принадлежности фантастического жанра сами по себе мобилизуют

читательское воображение. Но и заслуга авторов тут несомненна. Они владеют даром особо выразительной передачи атмосферы необычного. И добиваются они этого отнюдь не «экстенсивным» путём, не механическим нагнетанием фантастического, что часто встречается в тривиальной литературе.

Вспомним роман «Пикник на обочине». Образ Зоны — предполагаемого места посещения Земли пришельцами из космоса — создаётся в первую очередь зримым описанием удивительных явлений; встречающихся там на каждом шагу. Но образ этот так сильно действует на наше воображение ещё и потому, что располагается Зона по соседству с заштатным городком Хармонтом, бытовые приметы которого воссозданы в романе в добротной реалистической манере.

Второй «камень», лежащий в основании художественного мира Стругацких — это тайна. Мало кто из признанных мастеров детективного жанра может соперничать с ними в искусстве владения всеми рычагами тайны. Необъяснимое событие или ситуация, информационный «провал», разрыв в цепи причин и следствий — непереносимые атрибуты почти каждого произведения писателей, начиная с середины шестидесятых. Стругацкие прекрасно сознают, сколь глубоко укоренена в наших душах потребность в таинственном, и щедро ее удовлетворяют. Однако тайна для Стругацких — это и одна из существенных сторон нашего существования, одно из измерений нашего мира. В ней концентрируется не известное, непознанное, что разлито в окружающей жизни. В зрелых произведениях писателей — таких, как «Пикник на обочине». «За миллиард лет до конца света», «Жук в муравейнике» — загадочная ситуация оказывается и этически значимой. Здесь важно не только раскрыть тайну, но и определить, какая линия поведения в условиях неопределённости является самой достойной, отвечающей критериям гуманистической морали.

Рекорд по «удельному весу» таинственного принадлежит, наверное, «Жуку в муравейнике». Тайна там многоконтурная, многослойная. Постепенно, снимая один покров загадочного за другим, приближаемся мы к пониманию истинного смысла драмы, разыгрывающейся на страницах повести. В центре этой драмы — личность и судьба Льва Абалкина. Сюжет ее движется таким образом, что в финале последнее кольцо тайны остаётся неразомкнутым, последний вопросительный знак остаётся сидеть

занозой в читательском сознании, побуждая его снова и снова возвращаться к смысловым коллизиям повести.

И ещё одно. В основной текст повести вмонтированы отрывки отчёта, написанного Абалкиным после участия в операции «Мёртвый мир». Приключения героя в полуразрушенном, почти обезлюдившем городе на далёкой планете дразнят читательское воображение многочисленными и остающимися без разрешения загадками. На память приходят слова Тынянова, писавшего, что пропуск глав, других фрагментов текста—«частый приём композиционной игры», направленный на семантическое осложнение и «усиление словесной динамики» повествования. Раз уж это слово прозвучало, поговорим об игре—ещё одном существенном элементе поэтики Стругацких. Игра в их творчестве присутствует в самых различных формах и обликах, на разных уровнях организации повествования. Прежде всего, игровое начало воплощено в самих героях, особенно молодых. Избыток сил, радость жизни, удовольствие от занятия любимым делом—все это отливается в абсолютную раскованность поведения, в постоянную готовность к шутке, каламбуру, весёлому розыгрышу. Трагичная по колориту повесть «Попытка к бегству» начинается, к примеру, сценой беззаботного веселья, «Структуральнейший лингвист» Вадим перед путешествием на Пандору прямо-таки ходит на голове, дурачится и распевает песенки собственного сочинения.

Этот же дух раскованности, весёлой, изобретательности присущ и повествовательной манере Стругацких. Явно игрового свойства часто используемое писателями соединение элементов, взятых из разных культурно-исторических пластов, разных смысловых и стилевых рядов. В «Улитке на склоне» сознанию человека двадцатого века, учёного противостоит тщательно выстроенная фантазмагорическая реальность Леса, где все зыбко, переменчиво, алогично, как во сне (тут невольно возникают ассоциации с причудливыми видениями Кафки).

По принципу коллажа организуется образная система повестей «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о тройке». Здесь сказочные и мифологические мотивы, фантастические явления сталкиваются с терминами и понятиями эпохи НТР, с деталями повседневного быта, иногда реалистическими, иногда — сатирически заострёнными. Любят писатели, и подразнить пуристов, радетелей чистоты и иерархического разделения жанров. Отсюда—маскарады, переодевания, перекройка устойчивых жанровых схем и стереотипов. В

романе «Трудно быть богом» костюмы, реквизит, весь фон действия взят напрокат из рыцарских и мушкетёрских романов. Стругацкие заражают нас своим неутолимым интересом к многодонности жизни, к ее непредсказуемости, к безмерности, отразившейся в зрачке человеческого глаза. Их герои – истинные герои – живут жизнью, полной борьбы, телесных и нравственных усилий, они испытывают радость деяния, боль утрат, стыд за ошибки, они остро ощущают – и заставляют ощутить нас – реальность и необходимость своего присутствия в мире.

Под другим углом зрения рассматривается отношение «человек–мир» в романе «Пикник на обочине». Здесь с беспощадной социально-психологической достоверностью представлена жизненная история сталкера Рэда Шухарта, пробавляющегося выносом, всяких диковинных предметов из Зоны. Смысловое напряжение в романе создаётся контрастом между грандиозностью самого факта посещения Земли инопланетянами и возникающей вокруг него игрой мелких страстишек, собственнических инстинктов, жадой «не упустить своего». И мы видим, как симпатичного и бесстрашного парня Рэда постепенно затягивает чёртово колесо частного интереса, как оно выдавливает из его натуры человечность. Опять Посещение! Опять Пришельцы! Ещё одна вариация одного из самых излюбленных (что в расшифровке означает – одного из самых надоевших) сюжетов современной фантастики.

Но странное дело: хотя факт посещения Земли некими гостями из космоса и служит отправим пунктом сюжета новой фантастической повести братьев Стругацких, ощущения того, что все где-то уже читано, не возникает. Может быть, потому именно и не возникает, что Посещение – всего лишь отправной пункт, а не содержание книги. Так зачем же на этот раз пожаловали на нашу грешную планету пришельцы, которые, впрочем, перед читателями и вообще перед людьми не появляются, оставив о себе лишь материальные следы на местах своего приземления? (Эти места стали называться Зонами Посещения; около одной из таких Зон, в несуществующем городе Хармонте и происходит действие «Пикника на обочине».) В повести создана некая модель «Западного» общества, которое столкнулось с чрезвычайными обстоятельствами и в меру своих сил а также в соответствии со своей моралью и философией приспособляется к ним. Модель достаточно замкнута; о мире, который окружает выдуманную и невыдуманную страну,

б) «Пикник на обочине».

мы почти не узнаем. Дело в том, что в Зоне понакидано много технических диковин; до поры до времени их не в состоянии прибрать к рукам наука, прежде всего потому, что проникновение в Зону грозит смертельным исходом, к тому же власти, правда, безуспешно, пытаются её охранять, И ещё одно может ждать самозванных исследователей межзвёздных цивилизаций—дети у сталкеров рождаются не такими, как у остальных

людей, видимо, их тела подвергаются какому-то необнаруженному воздействию. Понятно, что риск столь высокого сорта должен и оплачиваться очень высоко. Если угодно, фразу можно построить наоборот: когда в «свободном» мире есть возможность на что-то хорошо подзаработать, то нет такого безумия, такого риска, такого преступления, на которые не нашлось бы добровольцев. Мы не можем не симпатизировать Шухарту ещё и потому, что, а нем постоянно горит ненависть к тем преуспевающим типам, среди которых он живёт. На это общество он не желает трудиться, в этой компании он не хочет жить честно. И так уж несчастливо сложилась судьба Шухарта, что не спасла его даже встреча с единственным человеком, который был в состоянии повернуть его жизнь. Человеком этим был молодой русский физик Кирилл Панов, работавший в международном институте по изучению следов посещения, один из тех энтузиастов и героев науки, которыми может гордиться человечество, Рэд чувствует, понимает, что Кирилл совсем из другого мира, что только такие, как он, знают, зачем живут на земле и зачем, смертельно рискуя, лезут в эту самую Зону. Но слишком рано ушёл из жизни Кирилл, погубленный Зоной, и не выдержала нестойкая душа Шухарта испытания этой смертью. Он ещё больше озлился на мир и на себя, потому что он был отчасти виноват в гибели Кирилла. О большинстве из небрежно брошенных остатков космического пикника, земная наука не только не имела представления: учёные не в состоянии понять их устройство, даже положив на лабораторный стол. Сталкеры дали всем этим концентратам гравитации, коллоидным газам, магнитным ловушкам образные прозвища, в которых отразился их суеверный, почти языческий страх перед непознаваемым—«чёртова плешь», «ведьмин студень», «тремучая салфетка» ...

На первый взгляд и вправду Зона представляется чем-то жутким, загадочным и активно враждебным человеку. На самом деле она, Зона, никакая—ни хорошая, ни плохая. Как ядерная реакция—она тоже сама по себе никакая, и слепящий луч лазера—никакой. Стоит, мол, только обуздать дешёвую термоядерную энергию, стоит передать все управление в «руки» безошибающимся компьютерам, стоит повсеместно внедрить «зелёную революцию» на полях—и это автоматически сделает жизнь человечества лёгкой и счастливой. И вот перед людьми «подарки» пришельцев, являющие собой такую степень научно-технического прогресса, которая никому из земных учёных и не снилась. И дело здесь не только в отдельных чудесах, как говорит один из героев повести,

всего важнее—сам факт Посещения, он имеет кардинально мировоззренческое значение. С каждым витком сюжетной спирали Стругацкие делают образ Зоны все обобщённый, она приобретает почти мифологические очертания. Как крайнее выражение надежд, разочарований, радостей, печалей, откровений мечтаний о лучшей жизни в легендах сталкеров возникает Золотой Шар, который якобы исполняет любые желания. Но чтобы высказать ему свою просьбу, надо преодолеть, помимо множества жутких препятствий, ещё и «мясорубку», которая—совсем как в древней сказке—требуется принести в жертву одного человека, чтобы мог пройти второй. В «Пикнике» Стругацкие достигли уровня лучших страниц своей прозы. Правда не кажутся такой уж находкой противные ожившие мертвецы, а главное—некоторые особенности речи героев. В сущности, авторы «Пикника на обочине» находились в сложном положении переводчика, который должен донести до русского читателя особенности жаргонной речи каких-нибудь иностранных гангстеров, найти тот оптимальный вариант, при котором этот словарный состав будет и понятен русскому читателю и в то же время не потеряет своей национальной и социальной принадлежности. И вдруг герой «Пикника» начинает выражаться языком «наших» стилист их «блатных», что, конечно, нарушает цельность этого сложного поучительного характера. Стругацкие умеют придать отвлечённым и абстрактным на первый взгляд категориям—будущее человечества, судьбы цивилизации, нравственная самостоятельность личности—живую плоть, претворить их в жизненную практику своих героев. А средством «концептуализации» сюжетного материала в зрелой прозе писателей все чаще становится ситуация выбора. Итак, Кандид, сотрудник биостанции, которая извне наблюдает за таинственным Лесом, в результате аварии оказался в самом Лесу, среди его обитателей. Странный мир открывается его взгляду: здесь растительные и животные формы обладают повышенной биологической активностью, а вот люди вялы, апатичны и, очевидно, находятся на грани вымирания. Лес все теснее сжимает свои кольца вокруг их убогих деревень. Проблему продолжения человеческого рода её представительницы решили с помощью партеногенеза—встречающегося в природе способа однополового размножения. Эти женщины—Хозяйки Леса—научились повелевать разными биологическими формами, поставили себе на службу животных и насекомых, травы и деревья. Но одной из целей их рациональной и динамичной цивилизации стало устранение с пути прогресса «неперспективных» с эволюционной точки

зрения видов, исправление «ошибок природы». К этим ошибкам они относят и мужскую часть населения Леса. Поэтому они и ведут исподволь наступление на деревни...

Казалось бы, Кандидат легче найти общий язык с Хозяйками Леса, склад мышления которых гораздо ближе к его собственному, чем примитивные психические механизмы жителей приютившей его деревни. К тому же контакт с ними даст надежду на возвращение к своим.

Но Кандид почти без колебаний выбирает путь борьбы на стороне «соплеменников», почти наверняка обречённых. И не только из благодарности к ним за своё спасение. Кандид решает: ему не по пути с природной закономерностью, даже с прогрессом, если их приходится оплачивать ценой гибели разумных существ, пусть слабых и плохо приспособленных. Цивилизация Хозяек Леса, может быть, изначально лишена гуманистических оснований, которые здесь «не действительны». Но он-то, Кандид-человек, и должен делать свой выбор, исходя из системы человеческих ценностей и норм. Очень непохожи друг на друга произведения 70-х годов: «Пикник на обочине» и «Малыш», «Парень из преисподней» и «За миллиард лет до конца света». А все же есть между ними и подспудная смысловая перекличка. Героя всех этих повестей поставлены в условия острого внутреннего конфликта, конкуренции ценностных установок, их раздирают противоречивые мотивы и побуждения. Выбор предстаёт здесь рядовым свойством человеческой природы, чуть ли не синонимом разумности: нужно быть разумным, чтобы выбирать, нужно выбирать, чтобы быть разумным. Максимального напряжения и в то же время кристальной прозрачности тема нравственного выбора достигает в повести «За миллиард лет до конца света». После обманчиво фантазмагорических и бравурных по темпу экспозиции и завязки возникает ситуация экспериментальной, лабораторной чистоты. Суть ее в следующем. Несколько учёных, ведущих исследования в разных областях науки, вдруг сталкиваются с противодействием некой могучей силы, мешающей им продолжать работу. Природу этой силы Стругацкие сознательно выносят за скобки: то ли это внеземная цивилизация, то ли сама Природа взбунтовалась против человеческого разума, дерзающего проникать в сокровенную структуру мироздания. Важно другое. У Твардовского в «Василии Тёркине» солдату предлагается определить свою линию поведения, когда на него «прёт немецких танков тыща». В сходном положении оказываются и персонажи повести Малянов в Вайнгартен, Губарь и Вечеровский. Сила,

противостоящая им, безлика и безжалостна. А главное, в отношениях с ней каждый может рассчитывать только на себя— никакая внешняя инстанция, никакой государственный орган не придёт на помощь. Чем-то надо жертвовать—или верностью своему делу, научному и человеческому долгу, или благополучием, здоровьем, а может, и самой жизнью, больше того— безопасностью близких и любимых людей. Как видим, условия эксперимента заданы с избыточной жёсткостью, рассчитаны на многократные перегрузки. И Стругацкие своих героев не представляют сверхгигантами. Почти все они один за другим сдаются, находя себе те или иные оправдания. Упорствует один лишь математик Вечеровский—его образ задан как герой— гораздо интереснее анализ состояния главного героя повести, астронома Малянова. Тот, почти уже сломившись, никак не может сделать последнего шага, переступить черту...

Удачей Стругацких стала, как раз психологически достоверная передача болезненности этого акта капитуляции, отказа от лучшего в себе, от стержня своей личности. Как страшно становится Малянову, заглянувшему в своё будущее «по ту сторону», какой тоскливой, обесцененной видится ему жизнь, в которой он перестанет быть самим собой. Поэтому Малянов, сидя в комнате Вечеровского, повторяя слова, полные безысходной горечи: «С тех пор все тянутся передо мною кривые, глухие, окольные тропы». Ему, мучающемуся в нерешимости, гораздо хуже, чем хозяину, уже сделавшему свой выбор...

III. Заключение

Что ж, полемика, споры, откровенное высказывание несовпадающих мнений стали в последнее время привычными явлениями нашей жизни, не только литературной, но и общественной. И разве нет в этом заслуги братьев Стругацких, книги которых всегда внушали нам, что думать— не право, а обязанность человека? Да и на сегодняшнем, сложном и многообещающем этапе нашего развития творчество Стругацких остаётся в высшей степени актуальным. Ведь их книги, помимо прочего, — отличные «тренажёры» мысли, социального воображения, чувства нового. Они вновь и вновь напоминают нам о «неизбежности странного мира», помогают нам готовиться к встречам с будущим, которое ведь наступает с каждым новым днём. Мы можем сделать вывод, что умам будущего было непонятно, что для любого народа важна его история. Цивилизация без прошлого, без опыта поколений существовать не может. История складывается из каждого

поколения и даже каждого человека в отдельности. Планета за всю историю пережила множество катастроф, бедствий, войн, влияние прогресса, который принёс страшную озоновую дыру в атмосфере. Не меньше пришлось пережить и людям. Но мы продолжаем существовать. Мы знаем, что мы земляне и это гордость для нас, о чём мы можем прокричать на всю вселенную. Говоря о пришельцах, можно упомянуть, что они умнее человека. Эти Странники пользуются нашей планетой и ее жителями в своих интересах. Их действия не носят вредоносного умысла, они просто не замечают, как делают это. Они не волнуются о том, что их необычные методы могут пугать землян. Из-за этого среди людей распространяется паника и непонимание, они больше не могут держать ситуацию в своих руках. Странники причинили вред людям, сообщив при этом, что всегда готовы поддержать и помочь. Никто не знает, какой была бы их помощь на самом деле. Если отойти от масштабов Вселенной, то образцов вмешательства инопланетян в менее развитую цивилизацию на нашей планете можно привести огромное количество. Помощь голодающим странам, которая привела к спекуляции, вмешательство в жизнь аборигенов, все это говорит о том, что среда, в которую вторглись не была готова к такой помощи. Их менталитет, условия жизни, культура диктовали другой образ жизни. В менталитет человека, в его генетику вложен инстинкт усваивать все то, что получено своим опытом. Лишь таким

путём он развивается и возвышается. Люди самостоятельно должны руководить своей жизнью и достигать новых уровней развития, создавать свою историю. Как считали братья Стругацкие, нового человека можно создать только при помощи нового учения, а какие-то порывы к нему пока ещё страшно редки и сомнительны, а значит его без затруднений давит учение старого времени. Основа нового учения – это воспитание самих себя. И создавать в себе обновлённого человека, можно и без постороннего присмотра. Вопрос будущего, каков он для писателей-фантастов? Это сегодняшний день, который вырос под влиянием прошлого. Для любого землянина будущее-это завтрашний день. Для истории Вселенной каждый день является будущим. Я живу только настоящим. Обыкновенным днём для вселенской истории и совершенно не интересующим писателя-фантаста. Но если задуматься, всё что я сделал сегодня, ещё вчера для меня было будущим. А завтрашний день мне принесёт плоды моего вчерашнего прошлого. И мой маленький вклад в историю Вселенной займёт своё место. Моё обычное «сегодня» станет земным Настоящим. Вместе со всем земным населением я попробую заглянуть в наше Будущее. Наша жизнь в нем зависит от того, что мы будем для него делать.

литература

1. Собр. соч.: В 12 т. М., 1991-93; Куда ж нам плыть?: Сб. публицистики. Волгоград, 1991;
2. Стругацкие о себе, лит-ре и мире: Сб-ки за 1959-66, 1967-75, 1976-81, 1982-84. Омск, 1991-94;
3. Стругацкий Б. Больной вопрос: Бесплезные заметки//Звезда. 1993, №4;
4. Лебедев А. Реалистическая фантастика и фантастическая реальность//Новый мир. 1968, №11;
5. Бритиков А. Ф. Рус. сов. научно-фантастический роман. Л., 1970;
6. Щек А. В. О своеобразии научной фантастики Стругацких. Самарканд, 1972;
7. Урбан /\. А. Фантастика и наш мир. Л., 197 2;
8. Р е в и ч В. Позднее прозрение Рэда Шухарта/Книжное обозрение. 1976
9. Сербиненко В. Три века скитаний в мире утопии/Новый мир. 1989, №5;
Ю.Амусин М. В зеркалах будущего Лит. обозрение. 1989
11. Пикник в муравейнике: Мат-лы круглого стола//Лит. газ. 1994, 23
нсяб.;
12. В. Свинников «Блеск и нищета» «философской» фантастики// Журналист 19 69, №9.
13. С. Плеханов «Когда всё можно»// Литературная газета, 1989, 29
марта.
14. Ю. Котляр «Фантастика и подросток»// Молодой коммунист, 19 64, №6.
15. А. Лебедев «Реалистическая фантастика и фантастическая реальность»// Новый мир, 1968, №11.